

ИЗЪ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ „РУССКАГО АРХИВА“.

8 Іюля 1887 (Ревель).

Тяжко заболѣлъ Михаилъ Никифоровичъ Катковъ, дорогій мнѣ съ самаго моего студенчества, когда ходилъ я къ нему въ скромнѣйшее его помѣщеніе въ глубинѣ двора на Цвѣтномъ бульварѣ, а нынѣ „подспудный премьеръ“, какъ его называлъ Ѳ. М. Дмитріевъ. Политически палъ онъ еще нынѣшней весною. Онъ самъ сказывалъ Кокореву (а тотъ потомъ передавалъ мнѣ), что на Ѳоминой, когда онъ излагалъ Государю свои соображенія относительно нашей дипломатіи, Государь приказалъ ему поѣхать къ министру иностранныхъ дѣлъ Гирсу и передать ему все говоренное. Швейцаръ Гирса сказалъ Каткову, что тотъ день министръ никого не принимаетъ. Тогда Катковъ поѣхалъ къ И. А. Зиновьеву*) и просилъ передать Гирсу, что онъ былъ у него по высочайшей волѣ и что онъ будетъ ждать, когда министръ сдѣлаетъ ему честь и къ нему пожалуетъ. Прошло нѣсколько дней. Гирсъ не пріѣхалъ, и Катковъ, изложивъ содержаніе того, что онъ долженъ былъ передать Гирсу, отправилъ эту бумагу черезъ Побѣдоносцева Государю. (Доселѣ самъ Катковъ Кокореву, далѣе—слухи). Съ тѣхъ поръ онъ уже не видалъ Государя, который не допускалъ его къ себѣ, такъ какъ изъ Берлина прислали перехваченное письмо нашего генерала N. въ Парижъ къ Буланже, а N. считался орудіемъ Каткова. Государь приказалъ немедленно уволить N., этого бывшаго старосту Исакіевскаго собора изъ службы, и великій князь Владиміръ Александровичъ отзывался Кокореву: „Удивительно, какъ такой умный человѣкъ не сообразилъ, что нельзя ставить между собой и своимъ Государемъ газетную статью!“ и, глядя на стоявшій у него на столѣ пузырькъ, прибавилъ: „Вѣдь все равно, Гирсъ ли, Пузырьковъ ли,

*) Начальнику Азіатскаго Департамента.

во всякомъ случаѣ это только секретарь, а дипломатіей занимается самъ Государь, какъ занимались дѣдъ нашъ и отецъ. Катковъ долженъ же былъ это знать, тѣмъ болѣе, что Государь допускалъ его къ себѣ, и онъ могъ подать ему на прочтеніе новую записку“.

Я думаю, что Катковъ увлекся примѣромъ Аксакова и вздумалъ дѣйствовать самъ. Онъ уже давно вошелъ въ частыя сношенія съ извѣстнымъ Ашиновымъ и съ какимъ-то Индійскимъ принцемъ (бумаги котораго по словамъ близкаго къ Каткову лица, увезены были имъ въ Петербургъ). Вообще же Катковъ ошибся, слишкомъ подолгу оставаясь въ Петербургѣ. И. П. Хрущовъ, сидя у Делянова, слышалъ, какъ бывший тутъ же Побѣдоносцевъ говорилъ Каткову: „Да уѣзжайте же, Михаилъ Никифоровичъ; вамъ давно пора!“

Увѣряютъ, что Деляновъ въ сущности радъ паденію Каткова, хотя квохчетъ о его болѣзни. „Да, самое главное колесо изъ нашей машины выпадаетъ“, говорилъ онъ мнѣ. Въ силу того, что „умъ, любя просторъ, тѣснитъ“ и давить всѣхъ имѣющихъ съ нимъ дѣло, это несомнѣнно; но какъ все-таки жаль Каткова! Еще Грановскій говорилъ мнѣ: „Катковъ улитка; хочешь разсмотрѣть, чтѣ онъ такое: онъ немедленно прячется въ раковину“.

9 Іюля 1887 года въ Ревелѣ, князь С. В. Шаховской, бывший въ Петербургѣ во время исторіи съ Н. и по словамъ его выдавшій ежедневно Каткова, рассказалъ мнѣ слѣдующее. Еще въ Февралѣ Н. приставалъ къ Каткову, съ тѣмъ, чтобы ему ѣхать въ Парижъ, хвалясь своей якобы дружбой съ тамошнимъ губернаторомъ Соссэ; но когда онъ попросилъ для того денегъ, Катковъ наотрѣзъ ему отказалъ. Послѣ 7-го Марта, зная, какъ тревожился министръ внутреннихъ дѣлъ, графъ Д. А. Толстой, разными слухами о революціонныхъ замыслахъ, Н. обратился къ нему съ предложеніемъ послать его въ Парижъ, но уже для того, чтобы черезъ его посредство добиться отъ Французскихъ властей преслѣдованія и выдачи нѣкоторыхъ лицъ. Графъ Толстой согласился, но никакого служебнаго наставленія ему не далъ (Н., нося военный мундиръ, числился по Министерству Внутреннихъ Дѣлъ) и ограничился частнымъ письмомъ. Ему выданы были крупныя деньги изъ негласнаго капитала, и въ Парижѣ онъ началъ увѣрять, что хотя пріѣхалъ для лѣченія глазъ, но что онъ адъютантъ Государя. Флокé (президентъ палаты) далъ ему обѣдъ, на которомъ былъ и Греви, но Буланже не было; онъ его тоже просилъ къ себѣ, но Н. не рѣшился поѣхать. Французскія власти объявили, что этихъ социалистовъ нѣтъ теперь во

Франціи, но что они рады служить Россіи чѣмъ могутъ; а Флокé (нѣкогда ратовавшій за Поляковъ) написалъ къ нему письмо съ просьбою объѣхать его въ глазахъ Русскаго правительства и устроить, чтобы посолъ нашъ Моренгеймъ не чуждался его и къ себѣ пригласилъ (это было нужно въ виду усилившагося сочувствія къ Россіи). Н. письмо это переслалъ въ Петербургъ Обручеву для показанія Гирсу. Только что вернулся Н. изъ Франціи, какъ пришло донесеніе Моренгейма о его хвастовствѣ, и велѣдъ за тѣмъ пріѣхалъ графъ Шуваловъ изъ Берлина и привезъ жалобы Бисмарка на посылку Н. якобы официальной. Государь прогнѣвался и въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ написалъ военному министру, чтобы на другой же день въ „Инвалидѣ“ было напечатано объ увольненіи Н. изъ всякой службы и неопредѣленіи куда болѣе. (Записка Государя къ Ванновскому начиналась словами: „всякому терпѣнію бываетъ предѣлъ“).

Князь Шаховской видѣлъ Н. въ тотъ же день у Заики, блѣднаго и уничтоженнаго. Но вдругъ, желая угодить Гирсу и Зиновьеву, а можетъ быть и по ихъ внушенію, онъ сталъ распространять, будто ѣздилъ въ Парижъ по порученію и на деньги Каткова. Онъ говорилъ это многимъ и въ Англійскомъ клубѣ. Это привело Каткова въ крайнее раздраженіе. Когда ему доложили, что пріѣхалъ Н., онъ во всю глотку кликнулъ слугъ, такъ что Н. не могъ не услышать: Если въ другой разъ этотъ негодяй осмѣлится пріѣхать ко мнѣ, вытолкать его въ шею. Между тѣмъ Государь сталъ недоволенъ Катковымъ; тотъ ѣздилъ къ великому князю Владимиру Александровичу и просилъ разъяснить дѣло. Никакого отзыва не было. Тогда Катковъ написалъ Государю большое письмо, въ которомъ оправдывался, исчислялъ свои заслуги и говорилъ, что доселѣ служилъ безкорыстно отечеству, какъ могъ, не щадя силъ, но если сталъ старъ и неугоденъ, то по первому слову Государя совсѣмъ прекратить свою дѣятельность и какъ частный человекъ займется устройствомъ личныхъ дѣлъ своихъ, для которыхъ не имѣлъ до сихъ поръ досуга трудиться. На письмо это не послѣдовало никакого отвѣта. Катковъ попросилъ аудіенціи, опять нѣтъ отвѣта. Тогда-то не только Побѣдоносцевъ, но и Деляновъ стали ему говорить, что Петербургскій климатъ ему вреденъ. Обыкновенно Катковъ испрашивалъ аудіенціи простыми письмами на имя Государя, и князь Шаховской видѣлъ у него нѣсколько Государевыхъ отвѣтныхъ записокъ.

Въ то самое время, какъ выгнанъ былъ со службы Н., поступилъ къ Государю докладъ графа Толстого о назначеніи Н. членомъ канцеляріи въ Совѣтъ Министровъ съ жалованіемъ въ 10 тысячъ рублей. Государь возвратилъ бумагу графу Толстому съ самымъ рѣзкимъ отзывомъ.

Когда графъ Толстой уѣхалъ въ Москву, Н. пустился на новыя пакости и написалъ Государю, что онъ не оправдывается, что виновать кругомъ, но что, долго служа въ военной службѣ, привыкъ исполнять безпрекословно приказанія начальства, и въ подтвержденіе приложилъ упомянутое выше письмо графа Толстого къ нему передъ его отъѣздомъ въ Парижъ!

Въ исходѣ Марта, въ Москвѣ графъ Д. А. Толстой опредѣлительно говорилъ мнѣ, что неудавшееся покушеніе 1-го Марта ведено было изъ Берлина и что онъ именно такъ и доложилъ Государю. Я ему сказалъ, что это въ первый разъ въ новой Русской исторіи Русскій министръ говоритъ Русскому царю противъ Берлина. А портреты Луизы и Фридриха Великаго, возмущившіе меня своимъ присутствіемъ въ Гатчинской гостиной въ прошломъ году, теперь уже, говорятъ, куда-то убраны. Слава Богу, что эти Берлинскія нѣжности миновали.

Каткову назначается уже преемникъ по изданію „Московскихъ Вѣдомостей“. Это князь Левъ Владимировичъ Шаховской, его зять. Если это сбудется, то „Московскія Вѣдомости“ опять перейдутъ отъ тестя къ зятю.

Сердечно жаль мнѣ Михаила Никифоровича. Его погубили самоувѣренность и недостаточная осторожность въ отношеніи къ Петербургу. Въ послѣднее время сталъ онъ похваливать и Петербургскій климатъ! А помню, въ Февралѣ 1852, когда я жилъ учителемъ у Шевичей, а онъ пріѣзжалъ на нѣсколько дней въ Петербургъ, пошелъ я къ нему проститься въ Пассаждъ, въ крошечную его комнату на верху. Уѣзжая назадъ въ Москву, онъ мнѣ тогда сказалъ: „Парижъ и Лондонъ младенцы противъ Петербурга относительно развращенности“. Какъ и Аксаковъ, Катковъ сталъ искать себѣ не друзей и соотрудниковъ, а поклонниковъ. Любопытно, что крупная сила выливается у насъ всегда почти въ единоличное самодержавіе.

Ревель, 21 Іюля 1887.

Сегодня былъ у меня князь Н. В. Шаховской съ извѣстіемъ, что вчера въ 5-мъ часу дня Катковъ скончался въ своемъ Знаменскомъ или Бутовѣ подъ Москвою. Государь спрашивалъ у Делянова про его здоровье, и говорятъ, что какая-то Французская медицинская знаменитость выписана была изъ Парижа отъ Русскаго правительства для Каткова. Онъ скончался въ день пророка Іліи. „Громовникъ Ілія“ (какъ этого пророка зовутъ Сербы) поразилъ Россію этимъ ударомъ.

Москва, 16 Августа 1887.

Много говорилъ съ П. и просидѣлъ часъ въ разговорѣ съ С. П. К. Оказывается, что каверза ведена была довольно искусно и широко. Государя колебали въ довѣрїи къ Каткову съ разныхъ сторонъ. Флокé получилъ письмо, якобы написанное къ нему Катковымъ, самоувѣренное, утверждавшее, что въ немъ вся сила и вліяніе, призывавшее къ дѣйствию, т. е. къ разрыву съ Германіей, что ему хорошо извѣстно общее настроеніе, а Государь будетъ за Французовъ, какъ скоро они начнутъ дѣйствовать *). Когда это поддѣльное письмо явилось въ одной изъ наиболѣе распространенныхъ газетъ (Matin), президентъ республики не зналъ, чтó ему дѣлать и имѣлъ объясненіе съ Моренгеймомъ, который шифрованной депешей передалъ содержание этого письма въ Петербургъ. Катковъ еще успѣлъ черезъ Ціона и Щербину узнать, что подложное письмо написано бывшимъ Американскимъ посланникомъ нашимъ, проживавшимъ во Франціи на большой пенсіи, которую устроилъ ему князь Горчаковъ, въ отплату за необличеніе разныхъ его, Горчакова, недосмотровъ.

Государь потомъ приказалъ графу Толстому показать Каткову эту депешу Моренгейма. Почти въ одно съ нею время прїѣхалъ въ Петербургъ графъ Павелъ Андреевичъ Шуваловъ и привезъ письмо Императора Вильгельма съ жалобами на Каткова, со ссылками на то, что именовъ Каткова генераль Н. Богъ вѣдаетъ чтó распространялъ въ Берлинѣ, съ убѣдительною просьбою продолжить хоть еще на три года союзный трактатъ (срокъ истекалъ въ Іюнь), при чемъ старикъ (дѣдъ-дядя) писалъ, что больше трехъ лѣтъ ему еще не прожить и что онъ умоляетъ дать ему спокойно умереть. Государь остался непреклоненъ относительно Каткова. Вмѣстѣ съ Н. уволенъ отъ службы нашъ Берлинскій посланникъ за то, что сообщалъ бумаги для книги и статей Татищева (племянника Половцева).

Въ Мартѣ предостереженіе Каткову было уже подписано, но послѣ бесѣды съ Государемъ оно отмѣнено. Государь самъ сказалъ потомъ Каткову: „А какъ они на васъ злились!“

Катковъ ничего не зналъ о пройдошествахъ Н. горевалъ объ его увольненїи, даже ѣздилъ къ нему и просилъ за него, какъ вдругъ ему открылась вся его облыжность. Н. самъ рассказывалъ: про себя

*) Однажды Катковъ сказалъ мнѣ про Государя, восхищаясь его качествами; бѣда только, что онъ не рѣшается садиться въ сѣдло правленія.

бывало: я вру, вру, а Дмитрій Ероееичъ (Сакенъ) скажетъ: „Да полно, N“! Такъ и смотрѣлъ на него Катковъ, но принималъ изъявленія его преданности и вѣрилъ ей.

Отецъ Каткова, мелкій Чухломскій помѣщикъ, огромнаго роста красавецъ, служилъ въ Москвѣ въ Губернскомъ Правленіи и умеръ ударомъ, оставивъ жену Варвару Акимовну (ур. Тулаеву, Грузинку родомъ) и двухъ сыновей. Она была всего три года замужемъ. Женщина добродѣтельная, отмѣнно строгихъ правилъ. Катковъ женился (1853) только послѣ ея кончины, зная, что мать не дастъ самостоятельности его женѣ. Любила же она его такъ, что когда, бывало, онъ придетъ со службы и разбросаетъ свое платье, она, убирая за нимъ, все перецѣлуешь.

По словамъ Н. А. Любимова, Катковъ, незадолго до кончины, называлъ себя „государственнымъ сторожевымъ псомъ, охраняющимъ достояніе Хозяина и чуящимъ, если въ домѣ что не ладно“. Императоръ Александръ Николаевичъ дозволилъ ему печатать что захочетъ, лишь бы онъ не затрогивалъ Прибалтійскихъ Нѣмцевъ.

Ө. П. Еленевъ печаталъ какую-то статью свою въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Катковъ вымаралъ въ ней страницу противъ Евреевъ. Еленевъ пожелалъ, чтобы статья появилась не иначе какъ вполнѣ. Такою она и вышла въ экземплярахъ цензурныхъ и доставленныхъ автору, который очень удивился, узнавъ, что во всѣхъ остальныхъ оттискахъ Евреи были таки пощажены. Случилось такъ, что первая панихида по Катковѣ въ Петербургѣ была отслужена въ синагогѣ: но всѣ слухи о томъ, что Евреи снабжали Каткова деньгами—суцная клевета.

Бѣдиль я въ Одессу въ тотъ годъ, когда тамъ произошелъ погромъ Евреевъ. Въ газетахъ нашихъ одинъ только Гиляровъ въ своихъ „Современныхъ Извѣстіяхъ“ указалъ на то, что Одесскіе простолюдины разоряли Еврейскіе пожитки, рвали ихъ денежные бумаги, но себѣ ничего не присваивали, тогда какъ другія газеты усматривали въ погромѣ дѣйствіе нигилистовъ. Но Государь Александръ Александровичъ поручилъ князю Сергѣю Владимировичу Шаховскому разслѣдовать *неласно*, въ чемъ настоящая причина, и князь доложилъ, что вполнѣ виновны только одни Евреи, отъ которыхъ не становилось житья Русскимъ людямъ въ Одессѣ. Тамошнему усилению еврейства содѣйствовалъ попечитель Одесскаго округа знаменитый Пироговъ, по своей матери Еврей (что видно и на лицѣ его и о чемъ онъ умолчалъ въ своихъ Запискахъ, обильныхъ невѣрными показаніями). Покой-

ный Н. Н. Муракевичъ сказывалъ мнѣ, что однажды въ день Страстной Пятницы Пироговъ встрѣтилъ на улицѣ нѣсколько человѣкъ студентовъ и когда они ему сказали, что идутъ въ церковь, онъ отнесся къ этому насмѣшливо. Къ Евреямъ благопріятно относился и бывшій тогда уже въ отставку Новороссійскій генераль-губернаторъ, графъ Александръ Григорьевичъ Строгановъ. Когда я пріѣхалъ въ Одессу, извозчикъ, Русскій парень, спросилъ меня: „Ну, что, баринъ, не гвѣшается на насъ Государь?“ Изъ Одессы я ѣздилъ въ Алупку и когда возвращался оттуда на пароходѣ, между спутниками зашла рѣчь объ Одесскомъ погромѣ, и кто-то изъ нихъ спросилъ меня: „Какъ вы объ этомъ думаете?“—Да какъ же думать?, отвѣчалъ я, коль скоро у генераль-губернатора правителемъ канцеляріи Еврей.

Только что я приплылъ въ Одессу, какъ въ гостинницу ко мнѣ прибылъ пріѣхавшій тоже на пароходѣ этотъ правитель канцеляріи и именемъ генераль-губернатора Коцебу предложилъ мнѣ побывать въ генераль-губернаторской канцеляріи. Признаюсь, я немного струсилъ, такъ какъ въ тѣ времена аресты еще не были рѣдкостью. Каково же было мое изумленіе, когда мнѣ предложено было прочитать нѣсколько донесеній, которыя Коцебу посылалъ въ Петербургъ въ царствованіе Александра II-го съ предъявленіями крайней необходимости принять мѣры противъ Евреевъ? Мѣры эти были сначала одобрены, а потомъ отмѣнены. „Зачѣмъ же вы мнѣ это показываете?“ спросилъ я, вѣдь я занимаюсь исключительно „Русскимъ Архивомъ“ и „Архивомъ Князя Воронцова“.—Его высокопревосходительство проситъ васъ сдѣлать ему одолженіе, по пріѣздѣ въ Москву, передать М. Н. Каткову то, что вы прочли въ этихъ бумагахъ („Московскія Вѣдомости“ были тогда во всей своей силѣ). По пріѣздѣ въ Москву я немедленно поѣхалъ къ Каткову и пересказалъ ему мною прочитанное въ Одессѣ. Онъ мнѣ отвѣчалъ: Все это вздоръ. Я совершенно безпристрастенъ къ Евреямъ вѣрно-подданнымъ Государя Императора.—Гораздо позднѣе говорилъ я Каткову о томъ, что его усиленно обвиняютъ въ мирволеніи Евреямъ и что у него въ дѣлахъ по изданію „Московскихъ Вѣдомостей“ немало Евреевъ. Я выражалъ опасеніе, чтобы они ему не навредили; но онъ отвѣчалъ, что онъ имъ вовсе не вѣритъ и что только одинъ изъ нихъ человѣкъ въ его глазахъ вполнѣ надежный и ему преданный.

